

Лада Зорина

Измена. Мы больше не семья

«Литнет»

2024

Зорина Л.

Измена. Мы больше не семья / Л. Зорина — «Литнет», 2024

— Только заикнись о разводе! — рычит муж. — Только посмей, и я тебя уничтожу. — Не смей мне указывать! — чуть не плачу. — Можешь и дальше спать с кем попало. Мне уже всё равно! Мы с Мишкой... — Заткнись! — сильные пальцы стискивают запястье. — Даже думать забудь. Я не отдам тебе сына! Муж никогда не питал к нему сильной любви. Наш Мишка растёт... проблемным ребёнком. А я устала от жестокости, от постоянных измен. Хочу развестись. Но муж нас непустит... И если посмею сбежать, его семья отнимет у меня всё. В тексте: - властный и brutальный герой - нежная, но стойкая героиня - семейные тайны - очень эмоционально - ХЭ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Глава 17	37
Глава 18	39
Глава 19	41
Глава 20	43
Глава 21	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

— Отпусти меня! Отпусти сейчас же!

Внутри у меня всё клокочет. Пытаюсь вырвать зажатую в крепких пальцах мужа руку, но ничего не получается.

Только ткань рабочей блузки трещит, угрожая расползтись на глазах.

С ужасом осознаю, что так недалеко и до драки. До настоящего рукоприкладства.

Сергей как-то раз уже замахивался на меня, но до откровенного насилия не доходило.

Сегодняшняя ссора выглядела так, что вот-вот — и дойдёт.

— Сволочь блудливая, — мой голос вибрирует, а по щекам бегут первые слёзы.

Ненавижу себя за эту позорную сверхчувствительность. Родственники мужа не перестают шпынять меня за неё, будто это один из смертных грехов.

В целом — нет. В Семействе Вороновых — определённую

— Соня, предупреждаю, — цедит Сергей, и пальцы на моём бедном запястье судорожно сжимаются. — Закр-р-рой свой рот.

Он помят, небрит, взлохмачен.

От него разит алкоголем и сладким, до тошноты сладким парфюмом.

На вороте белой рубашки — следы густо-красной помады.

До пошлости предсказуемый набор кричащих улик. Безобразная классика.

— Как ты смеешь так со мной говорить? — шиплю, не оставляя попыток выдернуть руку.

— Как ты смеешь какие-то претензии мне предъявлять или указывать? Ты всю ночь в чужой постели провёл и даже не потрудился этого скрыть!

На губы супруга выплзает усмешка — ленивая, нахальная, оскорбительная.

— А это что-нибудь поменяло бы? Ты перестала бы истерить? Перестала бы до меня додалбываться?

Я терпела. Видит бог, сколько могла, я терпела. Понимала, что в этом браке мне будет непросто. И ведь, дура жертвенная, до последнего верила, что любовь всё победит — и предубеждения его плотоядной семейки, и его пагубные привычки, и мои собственные страхи.

Но даже рождение долгожданного сына ничего не сумело исправить. Никому не сумело помочь.

Выходит, сил я своих не рассчитала.

— Додалбываться? — повторила я. — Устал от моих вечных истерик? Сочувствую. Очень скоро я тебя от них, Серёжа, освобожу.

— Это что ещё значит? — серые глаза прищуриваются, в голосе звучит подозрительность.

— Я уйду от тебя. Официально. Подаю на развод.

— Что?..

И его можно понять. Он ни за что не поверит, что я решусь. Но даже у такой нерешительной особы, как я, предел терпения существует.

— Я. Подаю. На развод.

Он смеётся. Хрипло, издевательски, задирая голову — будто я исключительно удачную шутку сейчас отпустила.

— Совсем сдурела? — отсмеявшись, дёргает меня за немеющее от боли запястье. — Никуда ты не денешься. Моя семья дала тебе всё! За этими стенами ты никто, поняла?

Нервное напряжение отзывается дрожью по телу. Мой голос начинает надламываться:

— Я сыта нашим браком по горло. И соседством с твоим страшным семейством. Мне ничего от вас больше не надо.

— Ах, теперь тебе от нас ничего уже и не надо? — кривляется он. — А кто тебя спрашивать будет, милая? Ты теперь Воронова. Да тебе чтобы развестись со мной, столько бумаг, столько обязательств о неразглашении подписать придётся, что ты и шага лишнего ступить разведёнкой не сможешь!

— Хватит меня запугивать. Я тебя не боюсь. Это... это пустые угрозы!

А внутри всё переворачивается от нехороших предчувствий. Взгляд супруга наливаясь злобой. Он наконец понимает, что я не шучу.

— Да я уничтожу тебя! — дёргает на себя и рычит мне прямо в лицо. — Только посмей снова заикнуться о разводе.

Чуть не плачу, но упрямо кусаю губы и стою на своём. Потому что слишком уж наболело.

— Не указывай мне! Можешь и дальше по своим бабам таскаться. Мне уже всё равно! Мы с Мишкой...

— Заткнись! — сильные пальцы впиваются в запястье с невиданной прежде силой, вынуждая меня застонать. — И не мечтай. Я не отдам тебе сына!

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/81PB>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Как это... как это понимать?..

Внутри у меня всё суживается, но нельзя подавать вида. Сергей, как матерый хищник, чуял чужую слабость. И стоит ему понять, что я испугалась, он меня додавит. Прикончит.

— Как слышала, — глаза супруга наливаются кровью. — Если ты вздумала побрыкаться и развод от меня требовать, то должна понимать, что без жертв он тебе не достанется. Мишка — Воронов. И остаётся со мной при любых обстоятельствах.

— Сергей...

— Вот не надо теперь смотреть на меня такими глазами! — гаркает муж и подталкивает к стене, прижимает меня к ней, будто стремится окончательно подавить моё сопротивление. — Что ты жертву-то из себя строишь? Тебе, может, напомнить, как ты в эту семью вошла? Может, напомнить, кем ты была? Да никем! Никем! Пустым местом!

— Для тебя и сын — пустое место! — рявкнула я, больше не в состоянии выдерживать унижения. — Что ты из себя заботливого папашу-то строить надумал? Не ты с Мишкой бессонными ночами возился, не ты...

— Я сразу тебе сказал, давай нянек наймём! Что, деньги — проблема?

— А я тогда кто, если сама за ребёнком присмотреть не могу? Кто меня настоящей матерью тогда назовёт? Мишке нужен особый уход и забота родных, а не армия прислуги. У семи нянек дитя без глазу!

— Завела-а-а свою шарманку, — Сергей закатил глаза и впечатал свою руку, по-прежнему сжимавшую моё несчастное запястье, в стену.

Я невольно поморщилась от новой вспышки боли.

— Это ничего не меняет. Ни-че-го. Будешь брыкаться — уйдёшь из этого дома одна, голая и босая. Одна!

Я сглотнула подступившие слёзы и пробормотала, глядя в когда-то любимое лицо:

— Надеюсь, все твои похождения этого стоили. Но Мишка... Я не позволю, чтобы он наблюдал, как его отец таскает в свою постель потаскух.

В карих глазах неожиданно мелькает что-то по-настоящему дикое, совершенно звериное. Моё запястье буквально взрывается острой, безудержной болью.

— Она не потаскуха! — взрывается муж и, ошалело заморгав, замирает.

Только спустя мгновение наконец понимает, что проговорился.

Да так, что у меня сердце, взбрыкнув, о горло ударилось.

В мгновение ока всё неуловимо изменилось, постепенно приобретая новый смысл. Нет, теперь Сергей не просто вёл привычную для него жизнь скучающего богача, которого даже семейное положение не исправила. У него возникла привязанность.

И речь совершенно не о жене или сыне.

— Так... у тебя *постоянная любовница* появилась?..

Колени слабеют.

К горлу подкатывает дурнота.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой этот вопрос, — муж пытается вернуть себе былую уверенность. Сделать вид, что вовсе не проговорился.

Но поздно. Поздно. Поздно.

Что сказано — сказано. Не отвертеться.

— И после этого ты ещё будешь указывать...

Я сама себя обрываю. Сглатываю горькую слюну, на какое-то время умудрившись позабыть даже об измученном его хваткой запястье.

На секунду краем уха мне слышится какой-то щелчок, но я не могу отвлекаться. Я должна сказать самое важное.

— Нет, Сергей, нет. Это предел. Меньше, чем на развод, я не согласна.

— А я повторю, — прорычал муж. — Затеешь возиться с разводом, попросаешься с сыном.

Гнев вспыхивает, словно зажжённая спичка.

— Мы ещё посмотрим, кто с кем попросается, — рычу в ответ. — Я без боя не сдамся. За сына я кому хочешь глотку перегрызу. Если надо, сдам всё ваше семейство!

И моя вспышка отчаяния достигает цели.

— Ах ты ж сучка неблагодарная!

Муж замахивается.

Я зажмуриваюсь и скрючиваюсь в ожидании неминуемого удара.

Вместо этого наступившую тишину вспарывает ненатурально спокойный голос:

— Остынь. Совсем с катушек слетел?

Открываю глаза.

Руку Сергея в замахе перехватила чужая рука. За спиной у мужа высится широкоплечий брюнет с резкими чертами лица и тяжёлой, покрытой трёхдневной щетиной челюстью. Егор Воронов, его старший брат.

Супруг бешено вращает глазами. Он в таком же шоке, как и я, от его неожиданного появления.

— Прислуга слышала вашу возню, — буднично поясняет Воронов-старший. — Вас просят зайти в синюю гостиную.

— З-зачем? — шепчу я.

Деверь окатывает меня безразличным взглядом, но всё-таки отвечает:

— Родители хотят с вами поговорить.

Глава 3

— А если я не хочу ни с кем разговаривать?

Смотрю на своего деверя исподлобья, рефлексивно потирая успевшее потемнеть от бессердечной хватки запястье.

Его взгляд следит за моими манипуляциями.

Голос ровный и безжизненный, как пустынное плато:

— Это ты им сама объяснишь.

— Егор, какого хрена? — в охрипшем голосе мужа прорезаются нотки гневного раздражения. — Я тебя сюда не звал и передавать мне ничего не просил. Когда они отучатся вести себя с нами, будто мы малые дети?

— Когда мы дружно свалим отсюда? — предположил Егор, и на его волевом, скупо отражавшем эмоции лице мелькнуло что-то, отдалённо напоминавшее усмешку. — Можешь себе такое позволить, младшенький?

Он нарочно его поддевал. Знал, как Сергея бесит отсутствие выбора и перспективы. Правила семьи Вороновых исключали самостоятельность отпрысков.

Егор сумел переломить это правило и мог съехать из этой роскошной тюрьмы, когда пожелает. Скоро, я уверена, он так и поступит.

Мы же с Сергеем... мы — совсем другой разговор.

Жаль, поняла я это очень и очень поздно. Когда дверца золотой клетки за мною надёжно захлопнулась. Тот, кто говорит, что лучше рыдать за рулём Бентли, чем за рулём «копейки» — лицемерит и лжёт. Разницы нет, и деньги порой ни на секунду не помогают скрасить отчаяние.

И я в который раз убедилась в верности своих ощущений, когда мы с Сергеем, будто парочка провинившихся малышей, вошли в помпезную синюю гостиную — на незапланированную аудиенцию к настоящим хозяевам дома. Дома и всего элитного посёлка, построенного вокруг него.

— Сонечка, добрый день, — в мягком голосе Екатерины Андреевны ничто не выдавало властную до тирании натуру.

Мастерская маскировка.

— Добрый день, — пробормотала я и, подчиняясь молчаливому жесту, опустилась в кресло напротив.

Свёкор Виктор Игнатьевич, сидевший у самого окна с журналом в руках, будто и не планировав участвовать в разговоре, кивнул мне в ответ на приветствие.

Муж тяжело опустился в соседнее кресло, безуспешно пытаясь пригладить растрёпанные волосы и мятую рубашку. Выглядел он откровенно паршиво.

— Серж?..

Вопросительных ноток в кратком обращении матери хватило, чтобы её младший сын втянул голову в плечи.

— У меня была важная встреча.

Лжец.

— Я не стал никого предупреждать, потому что не знал, как далеко зайдут переговоры.

Зато я теперь знаю — прямиком в чужую постель!

Но благоразумно молчу, кусая губы едва не до крови. Внутри всё ходуном так и ходит. Но смысла встречать в разговор сына с матерью не было. Этот урок я усвоила раз и навсегда. На своём горьком опыте.

— И чем они завершились? — обманчиво ласковый взгляд материнских глаз скользит по красноречиво мятой одежде младшего сына, но я замечаю, что в нём сквозит хорошо скрытая безгласность.

— Подписанием. Потому и задержался.

Какая же сволочь... О том, что бумаги подписаны, мне его секретарша обмолвилась, когда звонила узнать о планах своего непосредственного начальства на завтра. Мой благоверный так спешил залезть в чьи-то трусы, что покинул встречу, даже с секретаршей своей не переговорив. И трубку не брал. Уж так был занят весь вечер. И ночь. И целое утро.

Взгляд застлала мутная пелена, и я никак не могла сморгнуть непрошенные слёзы. Но продолжала держать спину прямо и притворялась мебелью, только бы диалог не коснулся меня.

Я ненавидела все эти формальности.

А Вороновы их обожали.

Белая кость, голубая кровь и жемчуга на шее.

Они всерьёз считали себя элитой.

А я вот уже целые сутки всерьёз надеялась навсегда с этой элитой порвать.

Но с такими букашками, как я, сильные мира сего не считались.

— Сонечка, а ты что молчишь? — впился в мои суматошные мысли голос Екатерины Андреевны. — За какие такие грехи ты на Сержа напала?

Глава 4

— Грехи?.. — повторила я и непроизвольно сглотнула. — Екатерина Андреевна, при всём уважении, я не стану обсуждать наши с Сергеем проблемы на этом импровизированном семейном совете.

Я пыталась придать своему голосу как можно больше уверенности. Которой ни на грамм не испытывала.

Я боялась своих родственников по мужу.

И на то было очень много причин, начиная с их заоблачного по сравнению с простыми смертными вроде меня богатства и статуса, и заканчивая репутацией, закрепившейся за этой семьёй.

Стая кровожадных акул.

Беспринципные, безжалостные стервятники.

Если бы я знала даже сотую долю того, что узнала после нашей свадьбы с Сергеем, я, возможно, никогда бы за него и не пошла.

Но сейчас говорить об этом было попросту без толку.

— Я не задаю праздных вопросов, — тон свекрови неумовимо менялся, в нём начинали проскальзывать колющие нотки. — Я пытаюсь понять, что за драма разворачивается под нашей общей с вами крышей. Если я спрашиваю, Соня, будь добра — отвечай.

Я стиснула зубы, ненавидя себя за то, что арктический холод, которым веяло от финального требования свекрови, вгонял меня в оторопь. Как бы я ни храбрилась.

Я ощущала себя школьницей, вызванной на ковёр к директору школы.

Так быть не должно! Но вот поди ж ты...

— Грех известный, Екатерина Андреевна, — я вздёрнула подбородок. — Прелюбодеяние.

Она пропустила мимо ушей мою язвинку. Обратила пристальный взгляд на младшего сына.

— Серж... опять? Мы ведь это с тобой уже обсуждали.

Виктор Игнатьевич неодобрительно зашуршал страницами журнала. В его обычно спокойном сером взгляде промелькнула тень разочарования.

Уверена, мой свёкор будет верен своей жене до могилы. Если, конечно, не стремится сойти в неё значительно раньше по причине собственной неосторожности в вопросах верности супруге.

— Я не собираюсь обсуждать этот вопрос, — Сергей мотнул головой. — Хватит обращаться со мной так, будто мне до сих пор восемнадцать. Я — взрослый мужчина и сам решаю, как жить!

Он грохнул кулаком по лакированному подлокотнику кресла. Екатерина Андреевна невольно моргнула, явно не ожидав такого всплеска злобы.

— Сергей, не смей поднимать голос на мать, — не предупредил, а скорее проинструктировал его отец, даже не потрудившись оторваться от чтения. — Веди себя уважительно.

— Да какого чёрта я должен присутствовать на этом разборе полётов? — вызверился Сергей. — Давайте для полного цирка ещё и Егора сюда позовём! Почему он не присутствует? И какого чёрта он вообще к нам полез? Это наше личное дело!

— Это оставалось бы вашим личным делом, если бы не крики на весь второй этаж, — безглаголиво поморщилась мать. — И не стоит, прошу тебя, пытаться возлагать хоть какую-то вину на Егора. Прислуга передала, что у вас там неспокойно. Егор оказался рядом и вызвался вас утихомирить. А я попросила его позвать вас сюда.

Я невольно заёрзала в кресле, вспоминая безразличный взгляд устремлённых на меня карих глаз.

— Прошу тебя Серж, не трогай старшего брата. Он и так со дня на день грозит уехать. Даже невзирая на то, что его Ольга этого вовсе не хочет. Потому не превращай их пребывание здесь в тяжкую обязанность для обоих. Мы не хотим, чтобы он уезжал.

К моему немалому удивлению, расхившийся было Сергей тут же заткнулся, будто его самого напугала перспектива отъезда старшего брата и его холёной супруги.

— И не хотим, чтобы всё это безобразие продолжалось, — Екатерина Андреевна со значением посмотрела на сына. — Ваши ссоры начинают вызывать у нас сильное беспокойство. Соня, Сергей... я хочу знать, как вы собираетесь решать вашу проблему.

Глава 5

— Вы не можете от нас этого требовать.

Говорила я твёрдо, уверенно, а внутри вся тряслась от волнения.

Разговаривать с Екатериной Андреевной было всё равно что совать голову в плетёную корзину с королевской коброй — затея со стопроцентно фатальным концом.

— Сонечка, ты не могла не понимать, что брак с Сергеем налагает на тебя большую ответственность.

— До сих пор я считала, что обязательство о неразглашении — это последнее безумное условие, на которое мне пришлось согласиться, — голос у меня садился прямо в процессе, пока я говорила.

— А давайте не будем раздувать из мухи слона? Давайте не будем устраивать целый семейный совет, превращая нашу с Соней личную размолвку в целую тему для обсуждения! — Сергей рывком поднялся из кресла и покачнулся.

Очевидно, сказывалась почти бессонная ночь.

Меня заворотило от одной только мысли.

— Сергей, ваша размолвка беспардонно вылезает за рамки вашего личного дела, — в голосе свекрови зазвучала холодная сталь. — Прислуга судачит. Мне всех уволить и набирать новый штат, чтобы обезопасить семью от сплетен? Ты уже не мальчик и должен бы понимать, как это скажется на бизнесе.

— Господи, как же меня всё это задолбало! — Сергей тряхнул головой и со злобой уставился на мать. — Я-то думал, что деньги и связи как раз помогают решать такие проблемы, а не наоборот!

— Чтобы тебя подобные ситуации не задалбывали, — со спокойствием удава отозвался из своего кресла свёкор. — Их не надо бы создавать. Сергей, зачем ты обижаешь Соню? Зачем ты наносишь вред ей и вашему сыну?

У меня слегка дыхание перехватило, стоило свёкру упомянуто Мишку.

Господи, только бы его не впутывать во всю эту грязь. В грязь, в которую я впуталась исключительно по неведению. Но как бы я ни пыталась этим себя оправдать — не получалось.

Я должна была понимать — выходить замуж за кого-либо из Вороновых, это всё равно что выходить замуж за всю его семью.

Зачастую слухи о публичных персонах — всего лишь слухи. Как оказалось, Вороновы были редким и неприятным из этого правила исключением.

— Отец, я не думаю, что мой дед позволял себе лезть в ваши с мамой дела. При всём уважении, — издевательски добавил Сергей и обратил свой взгляд на поджавшую губы мать. — Мы с Соней сами во всём разберёмся. С прислужкой решай вопрос на своё усмотрение. Хочешь — ограничься угрозами. Хочешь — уволь и пригрози, если распустишь язык — работы в столице и около больше никогда не найдут. Мне тебя, что ли, учить? За все тридцать лет, что я здесь живу, из уволенного штата можно было бы личную армию собрать. Соня, идём!

Я вздрогнула, когда муж обернулся и протянул мне руку.

Сейчас в его взгляде читалось едва ли не участие.

Господи, как я устала от этого вечного напряжения...

И сейчас мне снова пришлось выбирать из двух зол. В это сложно, конечно, поверить, но мой неверный муж определённо был меньшим. Сложно поверить лишь тем, кто не знал ничего о Вороновых.

А я знала. И, к сожалению, слишком много.

Слегка обалдев от быстрого завершения разговора, я позволила мужу едва ли не вытащить меня за руку из гостиной.

Немного опомнилась только, когда двери за нами закрылись.

Удивительно, но никто не попытался нас остановить. Никто не требовал и не приказывал.

Наверное, потому что до сих пор не отошедший от нашей перепалки Сергей показал матери зубы.

— Не думай, что я брошусь тебя благодарить, — я выдернула саднившее запястье из его крепкой хватки.

Муж скривил губы:

— И не подумал бы, что ты способна на благодарность.

Я сверкнула глазами и пошагала прочь.

— Куда собралась? — врезалось мне в спину.

— Подальше от вас! — бросила я, не оборачиваясь.

Подальше от всех вас.

К сыну.

Мне нужно увидеться с сыном.

Глава 6

— А поосторожнее можно?

Гневное замечание заставило меня замереть на бегу. Мчась в комнату Мишки в другое крыло помпезного особняка Вороновых, я едва не налетела на вышагнувшую из-за угла роскошную блондинку, что-то листавшую в своём телефоне.

— И-извините, — выдохнула я, но она уже оторвалась от светившегося экрана, подняла на меня глаза, и её губы сложились в улыбку.

В этой улыбке не было ни грамма искренности, но блондинка воскликнула:

— О, Соня! Извини, не заметила. Тебя очень легко спутать с прислугой. Вечно в этих своих комбинезонах...

Она окинула меня пренебрежительным взглядом, а я подавила в себе желание оправдаться за то, что это необходимость. Я не просто живу в этом доме. Я в нём — так уж вышло — ещё и работаю.

— Добрый день, Ольга.

Я не собиралась разводить беседу с супругой своего деверя, но она не позволила мне так быстро сбежать.

— погоди, — она погасила экран и спрятала телефон в карман своих чёрных шёлковых брюк. — Это правда, что вам свёкры выволочку устроили?

Я даже глаза прикрыла от унижения, слишком явственно ощущая, как вверх по шее к щекам катится волна неодолимого жара.

— Откуда тебе это известно?

Что толку отнекиваться, если она уже знала.

Ольга Воронова щёлкнула длинными пальцами с нанизанными на них тонкими платиновыми колечками:

— Ты будто не знаешь, как в этом доме обожают шептаться. На кухне только об этом сейчас и судачат.

Боже мой...

Я никогда не сумею привыкнуть к этому странному миру. К миру господ и прислуги. Высших и низших. К беспринципности, фальши, удушливым сплетням и невидимым, но очень крепким оковам, которых не сбросить, если в них угодил. Даже если случилось это по незнанию, по ошибке.

— На кухне стоило бы едой заниматься, а не чужие косточки перемывать, — пробормотала я. — Извини, я спешу...

— Сергею тоже досталось?

Я заглянула в украшенные хищными стрелками голубые глаза.

— Мы не детишки, чтобы получать нагоняй от взрослых. Нас пригласили в гостиную...

— ...чтобы как следует оттянуть за непослушание, — хмыкнула Ольга. — Вы слишком громко выясняли отношения. Заботливой мамочке Екатерине Андреевне не понравилось. Вас вызвали на ковёр.

Не понимаю, она упивалась моим унижением, потому что с ней свёкры так вести себя не позволяли? Старший Воронов ни за что не позволил бы им так со своей женой обращаться. За Егором и Ольгой закрепился статус священной неприкосновенности.

Что не мешало им обоим «прикасаться» к другим.

В первую очередь это Ольги касалось. Она не ставила меня ни во что. Как и многие в этом доме. Но почему-то именно она находила особое удовольствие в том, чтобы при случае напомнить о моём зависимом положении. По поводу и без повода.

И я понять не могла, почему.

— Ольга, я не думаю...

— И что у вас снова стряслось?

— Извини?..

— Что твой благоверный опять натворил? — в грудном соблазнительном голосе Ольги звучала усмешка.

— Это наше личное дело.

— Гуляет?

— Я не...

— Опять? — фыркнула Ольга. — Ты поразительно терпеливая женщина, Соня. Просто... хм... скала! Никогда не рассматривала альтернативу?

— Н-не понимаю, о чём...

— Бросить всё это, — в который раз перебила она мои попытки выпутаться из разговора. — Уйти. Оставить хоть что-нибудь от своей изнасилованной гордости. Об тебя же здесь уже без малого ноги вытирают, а ты всё терпишь.

Да. И ты одна из тех, кто с удовольствием делает это — ноги о меня вытирает.

Вытирает и делает вид, что не понимает, почему это я не сбегу. Делает вид, что ей неизвестны причины.

Ни за что не поверю, что муж ничего ей об этом не говорил.

— Спасибо, в советах я не нуждаюсь.

На мой не слишком вежливый ответ она лишь усмехнулась.

— На твоём месте, Соня, я бы не дерзила. И не зарекалась.

Глава 7

— Привет, — я изобразила на лице улыбку, прикрывая дверь в спальню сына.
Через силу. Даваясь от внутренних слёз и выжиравших меня изнутри тревожных, спутанных мыслей.

Мишка не должен ничего из этого видеть. Он и так растёт тревожным ребёнком.

— Привет! — сын вскочил с толстого пушистого ковра, на котором что-то строил из своего разноцветного LEGO. — А ты сейчас на работе или отдыхаешь?

Отдыхаю... В этом доме разве такое возможно?

— Сегодня у меня выходной, — снова ему улыбаюсь и обнимаю за плечи, когда он подходит ко мне и утыкается носом мне в джинсы. — Соскучился?

Кивает.

— С утра уроки и уроки.

Я вздохнула:

— Без этого, Миш, никак. Учёба сейчас самое главное.

Мишка тоже вздохнул, но на мои слова ничего не ответил.

— Ма...

— Слушаю.

— А мне Ксюша рассказывала, что в нашем посёлке тоже школу открыли. Это правда?

Горничная, часто убиравшая в детской, охотно болтала с Мишкой обо всём на свете. Наверняка и про школу в стремительно разраставшемся элитном посёлке Вороновых успела ему рассказать.

— Ещё не открыли, — мои руки у него на плечах легонько дрогнули. — Весна на дворе, уже и каникулы скоро. Насколько я знаю, в сентябре открывать собираются.

— Это дядя Егор её строит?

Я вспомнила карий пристальный взгляд и плотно сжатые губы. Кивнула.

— Его фирма. Да. Она по всей области строительством занимается.

Миша помолчал, а потом, словно наконец-то решившись, тихонько спросил:

— А мне туда можно будет пойти?

Я сглотнула. Я ведь знала, что он задаст этот вопрос.

И ненавидела себя за то, что приходилось давать ненавистный ответ.

— Ты же Воронов, Миш. Боюсь, твои дедушка с бабушкой не в восторге от того, что ты будешь в обычной школе учиться. Здесь с тобой занимаются индивидуально. Здесь тебе дают лучшее образование.

Звучало до зубовного скрежета сухо, формально. Какое сейчас этому почти первоклашке дело до престижности его образования? Он с друзьями на переменах бегать хотел. Со сверстниками знакомиться.

Но у семьи Вороновых были свои правила и условия, даже для внука.

В особенности для внука.

Старший сын не спешил дарить моим свёкрам наследника. А вот младший уже подарил. И на Мишкины плечи, хотела я того или нет, ложилась сомнительная привилегия — таскать иллюзорный титул потомка с кучей обязанностей.

Жаль, никто до рождения сына и словом не обмолвился о том, на что я его обрекала. Вороновы умели хранить свои тайны. И раскрывали их только тогда, когда сами считали нужным или необходимым.

— А что, наш папа тоже дома учился?

— До тех пор, пока в колледж не поступил.

Об этом я тоже узнала после замужества. Как оказалось, выходила я совсем за другого человека. За человека, которого, мне казалось, я знала. А позже выяснилось, что вышла за чужака...

— Миш, давай мы пока не будем загадывать, как твоя учёба сложится, — я присела на корточки, заглянула сыну в глаза. — Всё может в скором времени поменяться.

Я вспомнила и свои сегодняшние угрозы, и налитые кровью глаза супруга, и холодный взгляд свекрови, словно бы говоривший: *«Никуда ты отсюда не денешься. Неси свой крест до конца»*.

И всё во мне противилось этой навязанной безысходности.

Всё во мне кричало и рвалось отсюда подальше.

Но говорить я могла что угодно и сколько угодно, а вот сделать пока ничего не могла.

— А что? — серые глазёнки загорелись. — Что может поменяться?

— Пока не буду ничего говорить, — качнула я головой. — Но и ты никому ничего не говори, хорошо?

Мишка кивнул и опустил глаза в пол.

— Хорошо. Я не буду, — он наморщил лоб. — Это же как бы секрет?

— Как бы секрет, — усмехнулась я.

— Как та белая тётя, которую я часто в коридоре встречаю?

Глава 8

— Белая тётяшка?.. — я облизала вмиг пересохшие губы.

Сердце бешено заколотилось.

Нет, только не это.

— Ты опять её видел?

Мишка кивнул.

— Когда? Когда это было?

Он наморщил лоб, припоминая.

— Вчера. Когда с ужина шёл. В коридоре не было никого. Ну, кроме меня и тётяшки.

Господи, неужели опять?..

Не знаю, как мне это удалось, но внешнее спокойствие я всё-таки сохранила, не выдав того, как я напугана.

Неужели возвращались эти странные галлюцинации, причины которых врачи так и не смогли отыскать.

Их общий вердикт был таков: *«Психические и физические отклонения отсутствуют. Ребёнок здоров. Фантазии. Перерастёт»*.

И я почти в это поверила. Но вот, спустя три месяца снова — белая тётяшка.

— Миш, — я очень старалась, чтобы голос меня не выдавал, — ты же говорил, что она больше не появляется.

— Так она и не появлялась, — сын смотрел на меня ясными глазами, в которых я не распознала обмана. — Правда, мам. Я сам давно её не видел. А вчера вот снова увидел.

Я сглотнула:

— И что она делала?

Он пожал плечами:

— Да ничего. Ну, она шла. По коридору, но далеко от меня. А потом раз — и исчезла.

От его простодушных объяснений меня мороз по коже продрал.

— Что... ра...расторговилась в воздухе?

— Н-нет, — мотнул головой Мишка, припоминая. — Нет, она как бы в стену вошла.

Я так растерялась от всего, без остановки валившегося на мою голову, что какое-то время просто молчала, пытаюсь понять, как дальше выстраивать разговор.

— Миша, золотце, послушай меня, — я обняла его за плечи и серьёзно посмотрела в широко распахнутые глаза. — Когда снова увидишь её, тут же зови меня. Запомнил?

— Мам, да она же не страшная, — послал мне сын такую успокаивающую улыбку, что у меня невольно сердце заныло. — Она просто, ну, ходит по коридору — и всё. И никого даже не трогает.

— Это неважно, — замотала я головой. — Просто, пожалуйста, сделай, как я сказала.

— Хорошо.

И мне пришлось поверить на слово, кое-как уговорив себя не давить на сына, не пугать его своим поведением. Внутри я уже балансировала на краю, явственно ощущая подступающую панику.

Господи, пожалуйста, только бы не возвращение ночных кошмаров и лунатизма. Только бы не возвращаться на этот круг нашего личного ада.

И все мои мысли настолько сильно поглотила эта новая информация, что покинув детскую, я снова едва на кого-то не налетела.

Спустившись по лестнице и свернув в анфиладу комнат, выводивших в северное крыло, едва не сбила с ног своего свёкра.

— П-простите.

Виктор Игнатьевич — обладатель куда менее внушительных габаритов, чем его сыновья, всё равно был на добрую голову выше меня.

Он придержал меня за плечо, но стоило мне остановиться, как его рука тут же соскользнула с моего свитера.

— Софья, — в по-отечески мягкой улыбке блеснули крепкие белые зубы. — Ерунда. Мне самому нужно быть осторожнее.

Сама предупредительность. Глава семьи был воплощением дипломатичности, притом без скрывавшихся за вежливой улыбкой клыков, которые не стеснялась продемонстрировать его дражайшая супруга.

Скажем так, Виктор Игнатьевич со всей очевидностью был сторонником мирных решений и не тяготел к разрешению конфликтов на поле боя.

Как минимум эту черту я в нём очень ценила.

— И всё же. Я сегодня не первый раз на кого-то вот так налетаю.

— Это простительно, — пошутил свёкор, но его взгляд тут же сделался серьёзным. — Не ошибусь, если предположу, что такая рассеянность небеспричинна.

Я промолчала, не испытывая ровным счётом никакого желания что-либо ему объяснять.

Но, кажется, Виктор Игнатьевич не оставлял мне особого выбора:

— Софья, раз уж мы вот так внезапно столкнулись, я хотел бы с тобой поговорить. О сегодняшней беседе в гостинной.

Глава 9

— Софья, я хотел бы с тобой поговорить. О сегодняшней беседе в гостиной.

— А... думаете, это стоит того?

Но я всё-таки не стала сопротивляться, когда Виктор Игнатьевич мягко увлёк меня из коридора в эркер с тремя высокими окнами, выходившими на участок ещё не успевшего зазеленеть сада.

— Думаю, — произнёс свёкор с нажимом, — Катерине стоило бы всё-таки помнить, что вы — взрослые люди.

— Полагаю, репутация Вороновых заботит Екатерину Андреевну куда больше, чем такие незначительные мелочи.

Свёкор на мою очевидную шпильку отреагировал крайне мягко — тихо хмыкнул, а на его породистом тонкокостном лице отобразилось искреннее понимание.

— В ней говорит собственная травма.

Я удивлённо воззрилась на свёкра и получила в ответ полуулыбку:

— Если она узнает, что я с тобой поделился, вышвырнет меня из супружеской спальни, — пошутил он и качнул головой. — Катерина действительно с превеликой серьёзностью относится к любой информации, которая окружает нашу семью. Это рвение в ней поселили её собственные свёкры. Мои родные не верили в то, что она соответствует их высоким стандартам. И она до сих пор делает всё, чтобы соответствовать ожиданиям тех, кого уже и в живых-то давным-давно нет. Надеюсь, ты её за это простишь.

Всё, что я смогла в тот момент выдать из себя — заверение, будто я вовсе и не обижалась. Что я всё понимаю и постараюсь проявить чуть больше терпимости. Но, скажем так, мы оба хорошо понимали, что это просто слова.

— Но я не столько об этом хотел с тобой поговорить, сколько... Даже не знаю, как деликатнее выразиться.

Я невольно затаила дыхание, гадая, каких откровений от меня жаждал добиться мой родственник.

— Говорите как есть, Виктор Игнатьевич.

Я поймала на себе его пристальный, испытующий взгляд:

— Софья, это действительно так? Сергей систематически тебе изменяет?

Ох... Не знаю, что за вопрос я ожидала услышать, но, очевидно, к разговору о неверности мужа была всё-таки не готова.

Только какой смысл теперь отпираться? Да самое паршивое в этой ситуации то, что Сергей никогда своего поведения и не скрывал. Особенно, когда удостоверился, что знай я о его изменах или не знай — без разницы. Деться я от него всё равно никуда не смогу.

Я бросила на свёкра взгляд исподлобья:

— Думаете, я стала бы что-то придумывать? Врать?

— Боже упаси, — покачал головой Виктор Игнатьевич. — Но разговор в гостиной вряд ли позволил увидеть картину во всей её полноте. Сергей это сам как-нибудь объясняет?..

Мне вдруг вспомнилась яростная отповедь мужа: «*Она не потаскуха!*»

Раньше я могла только гадать о причинах, побуждавших его мне изменять. Сейчас...

— Сергей не утруждает себя объяснениями, — холодно отозвалась я и отвела глаза в сторону.

А ещё позволяет себе орать на меня, обзывать, грозиться, запугивать и даже рукоприкладствовать.

До сих пор нывшее запястье не давало соврать.

А что могла я? Молчать и втайне продумывать план побега. Побега, который должен быть настолько удачным, чтобы сбежала я не одна. Потому что без Мишки мне никакой жизни за стенами этого дома не нужно.

— Мне очень жаль это слышать, — отозвался Виктор Игнатьевич.

Его рука неожиданно легла мне на плечо и легонько его сжала. Я постаралась скрыть удивление, вызванное этим неожиданным жестом.

Кашлянув, кивнула, принимая его участие.

— А мне очень жаль, что приходится об этом вам сообщать. Он ваш сын, и мне неприятно...

Свёкор остановил меня жестом, будто бы говорившим, что я имею полное право говорить о нём всё, что посчитаю нужным сказать.

— Сергей таков, каков он есть. И этому нет оправдания. Софья, — он заглянул мне в глаза и неожиданно предложил. — А что если я с ним поговорю?

Глава 10

— Поговорите?..

Мне стоило немалых усилий, чтобы не фыркнуть на подобное предложение. Пусть мой свёкор и единственный в этой семье, кто относился ко мне без предубеждения, его благородный порыв делу никак не помог бы.

— Виктор Игнатьевич, вы ведь сами недавно упоминали: мы — взрослые люди. Сергей же не школьник, и вы не за двойки собираетесь его отругать. Я очень признательна вам за желание хоть как-то помочь, но...

Я не успела договорить. В коридоре слышались чьи-то стремительные шаги, а пару мгновений спустя мимо эркера почти прошагал старший брат «двоечника».

Почти, потому что ухватив нас боковым зрением, тут же остановился.

— Егор, — Виктор Игнатьевич стремительно отшагнул от меня, будто нас застали за чем-то компрометирующим.

Карий взгляд почти не задержался на отце, но за меня, к сожалению, ухватился.

— Привет, — бросил он отцу, явно давая понять, что общаться сейчас не расположен. — Помешал?

Я не успела отреагировать. Виктор Игнатьевич отступил ещё на шаг дальше, будто вдруг вспомнил, что ему нужно срочно оказаться в другом месте:

— Вовсе нет. Вовсе нет, Егор. Мы с Софьей уже всё обсудили.

Карий взгляд не отпускал меня, будто его хозяин ждал, что сейчас и я начну объясняться. Но мне было совершенно не до того. Я ощущала только странность момента.

Беда лишь в том, что и странности в семье Вороновых были делом обычным.

— Мы можем поговорить?

Я едва не переспросила, обо мне ли идёт сейчас речь.

Но Воронов продолжал смотреть на меня.

— Вы, конечно, общайтесь, — Воронов-старший махнул, будто давал своё благословение, и покинул эркер, оставив нас наедине.

— Это правда?

— Извини?

Воронов скривил губы:

— Мать надумала вас отчитать за непослушание?

Кто ему доложил о предмете нашего разговора?.. Я попыталась припомнить, не мелькал ли кто-нибудь из прислуги в гостиной. Безрезультатно. Меня слишком выбили из колеи требования свекрови. Ни на чём другом, кроме напряжённого разговора, мои мысли не фокусировались.

— У Екатерины Андреевны специфическое представление о личных рамках, — я терпеть не могла эту иносказательность, но, видимо, пока не созрела до того, чтобы рубить правду-матку без оглядки на последствия собственной искренности.

— Опять суёт нос не в своё дело?

Я сглотнула, но возражать не стала. Этого было достаточно.

— И чем всё закончилось? — повелительно спросил он, будто ожидал, что я охотно доложу ему о результатах унижительного разговора.

Господи, как же все в этом доме любили приказывать и помыкать...

— Это совершенно не важно.

Карий взгляд до того потяжелел, что выдержать его, к своей досаде, я не смогла. Отвела глаза в сторону.

— Думаю, нам стоит прояснить этот вопрос, — в низком голосе прорезались грубые нотки. — Это не праздное любопытство. Я не люблю оставаться в неведении, когда дело касается моих подчинённых.

Да, такова моя нынешняя реальность. Я живу под одной крышей с кланом Вороновых, замужем за Вороновым-младшим, но работаю на его старшего брата.

Я старалась не слишком часто задумываться об этой непростой комбинации. И особенно о том, что по собственной воле втянулась в эту адскую круговорот.

— Ты требуешь от меня личную информацию. Моей работы она не касается.

— В этом доме, если ты не заметила, личное и профессиональное тесно переплетены. Тебе давно пора с этим смириться.

И убийственно ледяным тоном добил:

— Ты сама выбрала эту жизнь. Поэтому подбери сопли и отвечай, когда тебя спрашивают.

Глава 11

— Сама выбрала эту жизнь? — прошипела я, стискивая кулаки. — Чтобы мне приказывали и ноги об меня вытирали? Нет, такого я не выбирала!

— Верно, — на волевом, суровом лице мелькнуло что-то похожее на презрение. — Просто не смогла устоять перед обаянием Вороновых. Это, конечно, не грех.

Я знала, знала, знала, почему он это делает!

Но ни за что не стала бы ему напоминать. Напомнить — всё равно что оживить призраков прошлого. А оживлять нечто давным-давно мёртвое невозможно и противоестественно.

Мне в моей жизни призраки не нужны. С меня хватит и тех, которых якобы видел мой сын.

— Ты для этого о разговоре меня попросил? — я вздёрнула подбородок. — Чтобы меня оскорблять?

Воронов-старший какое-то время молчал, меряя меня ледяным взглядом.

— Что между вами произошло?

Перед внутренним взором промелькнул Сергей, затем — свекровь и свёкор, а следом — Ольга.

— Смотря кого ты имеешь в виду.

— Дурочкой не притворяйся, — понизил голос Воронов. — Я вас сегодня едва не разнимал. Что это было?

— Может быть, то, во что тебе лезть не стоит? — предположила я, стараясь не дать даже малейшего повода для подозрений в том, как меня пугали подобные перепалки.

Эта семья могла стереть меня в порошок, если бы захотела.

У меня не было здесь друзей. Та наивная дура, которая порхала от счастья, свято веруя в вечную и большую любовь, не могла и помыслить, как и чем жили обитатели этого дома.

— Он тебя бьёт? — проигнорировал Воронов мой отчаянный выпад. — Сергей. Он тебя бьёт?

— Знаешь...

— Отвечай.

— Нет, — я уставилась на него в слабой надежде, что мой уверенный вид каким-то образом заставит его отступить. — Нет, Сергей ничего такого себе не позволял. Он вообще...

Устав выслушивать ложь, Воронов схватил меня за руку и вздёрнул её вверх. Я беззвучно охнула — от неожиданности и от того, какой неожиданно острой болью отозвалась повреждённая кожа.

Воронов молча рассматривал моё посиневшее от хватки Сергея запястье. А я молча дивилась тому, какие же у него сильные и длинные пальцы. Моя рука в его хватке казалась до несуразности крохотной.

— Это... что? — слова вырывались из его мощной грудной клетки через силу.

— Это — не твоё дело, — я воспользовалась тем, что держал он меня не слишком крепко, видимо, чтобы не причинять новую боль, и выдернула руку из его хватки. — Это между мной и Сергеем.

— Как верно подмечено, — раздалось из коридора, и я почти подпрыгнула от неожиданности.

Господи, этот кошмар сегодня закончится? То я на кого-нибудь налетаю вот так, просто посреди коридора, то на меня кто-нибудь выскакивает.

— Егор, если у тебя есть вопросы, ты всегда можешь задать их мне напрямую, — Сергей неспешно приблизился к нам, будто мы повстречали его на прогулке.

Ничего странного и необычного.

— Младшенький отошёл от нагоняя? — старший Воронов скривил губы. — Ты действительно считаешь себя в праве диктовать хоть какие-то условия?

— А какие условия ты в праве диктовать мне или моей жене?

Что-то в воздухе сегодня такое витало... будто надвигалась большая гроза. Все, буквально все стремились влезть едва ли не в драку.

— Ты хочешь поговорить о правилах этого дома? — старший Воронов приподнял бровь, и его глаза недобро сверкнули.

— Хватит! — подстёгиваемая паникой перед зарождающимся конфликтом, я отбросила всякие страхи. — Прекратите это, пожалуйста! В этом доме хоть один день возможно прожить без ненависти и ссор?

— А тебе я бы вообще...

— Завтра рабочий день, — бесцеремонно перебил моего мужа старший брат, огрел меня неприязненным взглядом и направился прочь из эркера. — Твои услуги понадобятся. Попрошу не опаздывать.

Глава 12

— Как меня это всё задолбало, — Сергей лениво следит за игрой мягкого света притушенных ночников на её гладкой алебастровой коже.

Она поворачивается к нему и растягивает в улыбке пухлые губы.

— Ох, Серёженька, как я тебя понимаю.

— Мать совсем... — он замолкает, силясь подобрать подходящее слово.

Он слишком привык к осторожности. К тому, что в их доме всегда отыщутся невидимые глаза и уши.

— ...не умеет сдерживать свои порывы.

Она усмехается — понимающе.

— Поражаюсь твоей стойкости. Я от своих родителей сбежала в пятнадцать, — она задумчиво улыбается, видимо, припоминая. — Мать умоляла вернуться. А отец... ну, ты и сам его знаешь. В семейной жизни он такой же, как и в делах. Даже если бы я поддалась на уговоры матери, он бы меня обратно не принял. Уходя — уходи. Но на счёт деньги исправно переводил. Чтобы я имя семьи не позорила, не иначе.

Она рассмеялась — едва слышно, почти печально.

И он хорошо её понимал. Одного поля ягоды.

— Родственники, — проворчал Сергей и, не удержавшись, провёл указательным пальцем вдоль её обнажённой спины. — Им бы всё и всегда контролировать.

— Ты можешь их в этом винить? — она пожала точёным плечом, перевернувшись на спину и устремила взгляд в потолок. — Больше деньги — большие проблемы. Нам, Серёженька, повезло родиться в тех семьях, которые не могут позволить себе жить совершенно свободно.

Сергей поморщился. Его всегда бесил это совершенно необязательный фатализм. Как тогда наслаждаться всеми привилегиями, которые дарила им жизнь, если вместе с ними идёт целая охапка запретов?

— Повезло?

Она покачала головой.

— Ты понимаешь, о чём я говорю. А я понимаю, как тебя такое положение дел раздражает.

— Я никогда не стремился *служить* своей дражайшей родне. Ни ей, ни её интересам.

— А как тогда называется то, в чём ты участвуешь прямо сейчас? — в украшенных хищными стрелками светлых глазах мелькнуло нечто почти агрессивное.

Пыталась уличить его в лицемерии?

— Что ты имеешь в виду?

Она опять усмехнулась, и теперь в усмешке действительно слышалась горечь:

— Не притворяйся, что не понимаешь. Ты исправно платишь по счетам, только бы избежать даже тени скандала. Будто мы в позапрошлом веке живём. И в итоге... живёшь с нелюбимой женой. Растишь нелюбимого сына...

Он убрал руку с нагретшегося от его прикосновения шёлкового бедра.

— Чушь. Ты не знаешь, о чём говоришь.

— Серёж, это же чистое отрицание!

Ему казалось, она вот-вот рассмеётся. Это злило.

— Я женился на ней по любви. У нас с Софией всё было серьёзно. И Мишка... он мой сын.

— Я это знаю, — кошачьи глаза мягко сверкнули. — И знаю, что вам с ним нелегко.

— Не смей, — в его голосе зазвучало нешуточное предупреждение. — Не смей говорить о моём сыне хоть что-нибудь, о чём пожалеешь!

— Ох, — она медленно выдохнула и сдула светлую прядь, упавшую на лицо. — Замолкаю, любимый. И не вздумай на меня злиться. Но об этом знает весь дом...

— И из дома это знание никуда и никогда не попадёт, — прорычал он, ухватив её за локоны и осторожно, но крепко сжав их в своём кулаке. — Ты меня поняла?

В её глазах не было даже намёка на испуг. Она любила подобные игры.

— Я же не самоубийца, — промурлыкала она и мягко высвободила волосы из его хватки. — И именно поэтому...

Внезапно перевернувшись, соскочила с постели и принялась одеваться.

— ...именно поэтому мне пора.

— Уже?

Он испытал настоящую досаду.

Они слишком много времени потратили на болтовню. Стоило провести его с куда большей пользой.

— Уже, — вздохнула она и усмехнулась, застёгивая свою шёлковую блузку. — Иначе как я мужу всё объясню?

Глава 13

— И что, на весенние праздники тоже вырваться не получится? — голос сестры в телефонной трубке заставил меня прикусить щёку.

Чувство вины не покидало меня ни на минуту с тех самых пор, когда я наконец поняла, что в качестве члена семьи Вороновых не свободна ни в своих действиях, ни в поступках. Даже когда дело касалось моих собственных родных.

Я не имела права обсуждать с ними ничего, что могло бы показаться семье моего мужа неприемлемым. То есть... вообще ничего.

Иначе несдобровать бы ни мне, ни моим родным.

— Боюсь, не получится, — я вздохнула. — Лен, мне нужно к новой комнате приступать. Там работы — уйма, а временные рамки строгие.

— Господи, Соня, да ты послушай себя! Ты кто в этой семье — её полноправный член или работница с улицы?

С улицы? С улицы в услужение к Вороновым не попадали.

— Ты знаешь, что здесь всё непросто.

— Непросто настолько, что ты с сыном без пропуска из их резиденции выехать не посмеешь?

— Лен, прошу, не утрируй!

— Да вот если бы! Но я так и жду, когда ты заявишь, что в следующий раз мы сможем увидеться только в какой-нибудь комнате для посетителей, под прицелами камер. А то не дай бог ты мне какие-нибудь тайны Вороновых разболтаешь.

Я бросила возражать, только бы не провоцировать сестру на продолжение её гневной тирады.

— Когда у меня в рабочем графике появится свободное окно, я обязательно сообщу. Договорились?

— В следующий раз будешь сама всё это родителям объяснять, — отозвалась сестра и повесила трубку.

Я медленно выдохнула и, сунув телефон в карман брюк, продолжила заниматься тем, чем занималась, перед тем как Лена мне позвонила.

В комнату через несколько дверей от той, которую мы занимали с Сергеем, перекочевали коробки с одеждой и все мои принадлежности.

Да, приснопамятные разговоры на кухне мой «переезд» только усугубит, но сейчас мне до этого особенно не было дела. Приходилось просто приказать себе об этом не думать.

Может, потому что я была так сильно поглощена своими мыслями, то и не слышала, что в комнате уже не одна.

Лишь опустив на стол последний перенесённый из общей спальни ящик, в который сложила свои рабочие принадлежности, я обернулась и застыла.

Сергей стоял на пороге моей новой комнаты, засунув руки в карманы брюк.

Ощущение создавалось такое, будто он ещё сильнее помят и взлохмачен. Где он пропадал всё то время с тех пор, как мы покинули синюю гостиную и разбежались по разным углам?

Муж обвёл комнату сумрачным взглядом:

— Что ты тут делаешь?

Ну что ж, этого разговора всё равно не получилось бы избежать.

— Живу.

Муж приподнял брови и склонил голову набок, будто посчитал, что ослышался.

— Не нужно изображать удивление, — я продолжила выкладывать вещи из коробки на стол, заставив себя не поддаваться волнению.

Мало я, что ли, сегодня поволновалась?

— Не нужно устраивать всю эту показуху, — Сергей указал подбородком, успевшим покрыться тёмной щетиной, на коробку в моих руках. — Сворачивай свой спектакль.

Меня передёрнуло:

— Что значит, спектакль? Сергей, ты разве не понял? Я не шутила, когда сказала тебе, что не буду это больше терпеть. Я не буду...

Мои мысли смешались, потому что я только сейчас рассмотрела кое-что, чего не успела заметить в пылу нашей сегодняшней ссоры.

Не успела заметить или попросту не могла, потому что в то время ничего подобного не было?

— Что именно ты не будешь? — попытался вернуть меня к разговору супруг.

Кажется, он как раз не против был продолжить начатую перепалку.

Но я не могла.

Я всё смотрела и смотрела на округлый кровоподтёк, который с неприкрытым бесстыдством алел на его шее...

Глава 14

— Софья, объясни, *что* ты не будешь?

Я заставила себя отвести взгляд от красовавшегося на его шее засоса и посмотреть ему прямо в глаза.

— Не буду разыгрывать этот фарс. Не буду притворяться, будто мы живём мирно и счастливо, когда совершенно очевидно, что это не так.

Муж наблюдал за мной с выражением такого дикого утомления на лице, будто ему в край осточертело слышать от меня подобные речи.

— Может, хватит строить из себя страдальцу? Я вообще не пойму, зачем раздувать из мухи слона и усугублять наше и без того незавидное положение. Да, мы охладели друг к другу, но разве это повод разваливать брак?

Эти слова вонзились мне в грудь ржавым гвоздём. Вонзились в самое сердце.

Вот, значит, как... Теперь он этого уже и не скрывает.

Меня затрясло. Мне захотелось ударить его, и побольнее.

— Охладели? — мой голос понизился на октаву. — Это ты охладел! Это ты полтора года назад приполз домой с какого-то пафосного корпоратива, смердя чужими духами! Отшучивался, что эскортницы были частью дресс-кода! Я смолчала. Ты не представляешь, как сложно мне это далось, но я смолчала. Меня ведь предупредили, что Вороновы не позволят выносить сор из избы. Я очень надеялась, что тот случай тебя образумит. Но это стало только началом...

Я поперхнулась и замолчала, со злостью вытирая рукавом мокрые щёки.

— А потом — понеслось. И это для тебя — «охладели»?

Сергей насупился.

— Слушай, после рождения Мишки ты меня к себе какое-то время вообще не подпускала...

— А тебе невдомёк, что после родов необходимо восстановление? — рявкнула я. — Ты в какой пещере живёшь?!

— Что-то слишком уж затянулось твоё восстановление! — Сергей будто только и ждал, когда можно будет снова перейти на повышенный тон. — У тебя то работа всё время съедала, то с сыном возня, то ещё какие-нибудь напасти! А я должен был причиндалы в узел связать и ждать-дождаться, пока ты соизволишь?

Должно быть, так чувствует себя человек, получивший под дых. Горя и дрожа одновременно, я хватала ртом воздух, не находя слов для ответа.

Как он мог всё так исковеркать в своей голове? Выставить всё в таком чудовищном свете?

А после рождения сына, когда я уже знала, что из себя представляло семейство Вороновых, я была в шаге от тяжчайшей депрессии. И только тогда начинала осознавать, что муж мне не союзник. Что против родни он никогда не пойдёт.

Ему не позволят. И сам он себе не позволят. Решит играть против семьи — и его без копейки оставят.

Господи, вспомнить только, что говорил...

Но я оборвала нить своих мыслей. Нет, Соня, не смей сейчас даже думать об этом. Не смей вспоминать. Иначе от осознания всего масштаба совершённой ошибки даже прогулка в окно уже не покажется таким уж неприятным вариантом.

— Выметайся отсюда, — бросила я.

— Что, правда колет глаза? — ощерился муж. — Привыкай, что придётся брать часть вины на себя.

— Ты... ничтожество. Сволочь блудливая, прикрывающая свои грязные похождения гнусными оскорблениями, — процедила я, гипнотизируя засос на его шее.

Один только вид этого свидетельства его преступления помогал мне держаться и не рассыпаться на осколки от сокрушительного осознания — я никогда не прощу его за сказанное.

— Какие виртуозные оскорбления, — осклабился муж. — Знаешь, Соня, ругай меня сколько хочешь, но лицо мы обязаны соблюдать. И мы будем его соблюдать, пока семья ведёт свой бизнес. Мы связаны обязательствами, ты и я. И этот брак — не просто брак, а витрина.

— Так что же ты тогда сам запускаешь камни в эту витрину? — выплюнула я, буквально вибрируя от душившего меня гнева.

— Какие глупости, — отмахнулся он. — Ничего я не запускаю.

Сама не ожидав от себя такого, я подскочила к нему, дёрнула за руку. Откуда только силы взялись, но подтащила к зеркалу почти напротив кровати. Подтащила, и глядя ему в глаза в отражении, ткнула пальцем прямо в засос.

— Ничего? А это ты как объяснишь?

Дорогие друзья,

в ожидании новой главы приглашаю скоротать время за чтением одной из моих завершённых книг. На днях вышла финальная глава книги «Измена. Осколки нашей любви».

Читать: <https://litnet.com/ru/reader/izmena-oskolki-nashei-lyubvi-b460245>

Глава 15

— А это ты как объяснишь?

Меня буквально трясёт.

Впиваюсь взглядом в побледневшее лицо мужа в отражении зеркала.

Он изучает свежий засос.

Не спешит мне отвечать. Наверняка раздумывает над ответом.

Да как же можно было так глупо попасться? Я ещё понимаю, если бы он вообще бросил скрывать, так ведь нет же. До сих пор вопреки всякой логике пытается выкарабкаться из спора, в котором победить невозможно.

— Это... ерунда, — бормочет. — Это после вчерашнего.

— Чушь! — вспыхиваю сильнее, чем сама от себя ожидала.

Я ведь всё-таки, видимо, до последнего, дура, надеялась, что ошиблась. Что, может, зрение меня подвело. Но внутри против ответа мужа всё восставало.

Тем более что я видела — искренности в этом ответе не было ни на грош.

— Соня, — вижу, что пытается собраться с мыслями и восстановить равновесие, — давай не будем возвращаться к этим глупостям. Что ты хочешь от меня услышать? Что вчера я был у другой женщины? Да, был. Мы, кажется, это с тобой уже обсудили.

— Помню, как ты возмутился, когда я назвала её потаскухой, — бросила я, продолжая сверлить его взглядом.

Надеюсь, это достаточно выведет его из себя. Чтобы он в который раз оступился и что-нибудь выболтал.

Но Сергей лишь сверкнул глазами. И не стал покупаться на провокацию.

— Потому что она не потаскуха. Эскортница. Не потаскуха.

Что он несёт?..

— Соня, — муж повернулся ко мне и приобнял за плечи, но я настолько онемела от его слов, что даже сбросить его руки не потрудилась.

— Соня, послушай... Сегодня утром я был слишком зол и расстроен нашей размолвкой. Я перегнул. Я не оправдываюсь. Я просто пытаюсь тебе объяснить. Переговоры прошли очень удачно, и мы отправились это отметить. Дамы, которые нас сопровождали... для них это тоже работа. Пойми, Соня, мне по статусу и положению не приходится от подобных вещей нос воротить. Окружающие не поняли бы моей щепетильности.

— Так ты и до *такого* готов опуститься, только бы оправдать своё свинство, — прошептала я. — То есть в твоём окружении сплошь сволочи, которые жёнам своим изменяют?

— В моём окружении сплошь холостяки, — кисло поправил Сергей. — Мне приходится с этим считаться.

— Отпусти меня, — я наконец «просыпаюсь» и сдёргиваю со своих плеч его руки. — Лучше бы уж вообще ничего не пытался мне объяснить, чем плести подобную чушь! За какую дуру ты меня принимаешь? За какую...

И тут до меня наконец-то дошло...

Я невольно прищурилась, заглядывая ему в глаза и видя подтверждение своей внезапной догадки.

А ведь я действительно дура. Что же я раньше-то не сообразила.

Он же подобными идиотскими объяснениями пытается меня отвлечь от сути вопроса.

Меня даже подташнивать начало от подскочившей нервозности.

Это же насколько отчаянно он пытается запутать меня и заставить забыть о засосе. Заставить забыть, что речь не об эскортнице вовсе.

Речь о ком-то, кто находится под самым боком.

Господи, он что спутался с кем-нибудь из прислуги? Пообещал какой-нибудь бедной девчонке золотые горы, а она и уши развесила?

Меня даже холодом обдало. Стоило только представить, что с ней сделает Екатерина Андреевна, если узнает...

Своему дражайшему младшему сыну пальчиком погрозит, а девчонке всю жизнь ломает. И только лишь потому что этот хронический потаскун своего хозяйства в штанах держать не умеет.

— Кто она? — услышала я собственный голос, до безжизненности ровный. — И кем работает в этом доме?

Глава 16

— Что ты несёшь? — Сергей продолжал попытки удержать контроль над ускользавшим спокойствием. — Соня, что за фантазии ты себе понастроила? Ты считаешь, я стал бы путаться с собственной прислугой? В доме моих родителей?

Мне стало смешно. Смешно от его, как казалось, искреннего изумления. Надо же, я позволила себе предположить, что он спутался с кем-то из обслуживающего персонала. Да как я могла!

— Что, до настоящего признания ты ещё не созрел? — внутри всё переворачивалось от желания уязвить его сильнее. — Но смотри, какой прогресс всё-таки! Выяснилось, что ты таскаешься по эскортницам, что для измены тебе требовалось всего ничего — моё долгое восстановление после родов и твоё неутолимое желание кого-нибудь отыметь. А вот кого именно, ты признаться пока не в состоянии.

— А что тебе скажет имя? — выверился Сергей, которому, видимо, надоело оставаться в позиции защищающегося. — Что оно тебе даст? Мстить отправишься? Потребуешь выгнать её из нашего дома?

Его глаза гневно сверкали, грудь вздымалась. Он говорил искренне.

— Потребую? — усмехнулась я горько. — Да кому какое дело до моих требований, если я и сама в этом доме на положении не выше прислуги?

— Чушь не мели!

— Значит, до предельной искренности у нас не дойдёт, — я в последний раз помусолила взглядом округлый кровоподтёк на его шее. — Дело твоё. Вымаливать у тебя правду я не собираюсь. Но и приказы твои исполнять я не буду.

— Что это значит? — набычился муж.

— Я остаюсь в этой комнате. И никуда возвращаться не буду. Теперь я живу здесь.

Сергей стиснул зубы, едва сдерживаясь от новой вспышки агрессии. Он был не так разъярён, как накануне, когда едва запястье мне не открутил, но дури в нём было достаточно, чтобы совершить какую-нибудь жестокость.

А я не собиралась тушить его гнев. Потому что сама балансировала на краю, борясь с желанием схватить что-нибудь потяжелее и запустить ему в голову.

— Этот твой демарш, — Сергей ткнул пальцем в меня, потом потыкал им в стороны, — с переселением, он ненадолго. Побесишься и успокоишься. Не забывай, кому ты обязана всем от жилья до работы. Я устал. Устал выяснять отношения. У меня есть дела поважнее. Но вздумаешь и дальше истерики мне закатывать — и поверь, мои методы решения вопроса тебе не понравятся. Я не позволю тебе портить мне жизнь и отношения с родственниками.

Выдав этот напичканный угрозами монолог, он развернулся и пошёл к выходу.

На какое-то время я осталась одна. И подумала, что всё-так разревуся.

Но оказалось, что слишком выжата. Даже для этого.

Кажется, подобное со мной приключилось впервые.

Следующий час я провела, пытаясь успокоить расшатанные нервы, выкладывая, складывая и перекладывая перенесённые из общей с мужем спальни вещи.

Но виски невыносимо давило, а горло будто спеклось.

Клонившийся к вечеру день начинал казаться мутным кошмаром, выхода из которого я пока не находила.

Но сейчас меня спас бы даже стакан холодной воды.

Поэтому, бросив всё, я покинула своё новое обиталище, планируя выпить воды и проглотить какую-нибудь таблетку от разрывавшей голову мигрени.

Погружённая в свои тяжёлые мысли, добрела до поворота, за которым тянулось наше крыло, а одна из дверей вела в супружескую спальню.

Именно эта дверь сейчас отворилась, и из неё, к счастью, не оглядываясь по сторонам, осторожно вышагнула... Ольга Воронова. Жена старшего брата моего блудного мужа.

Глава 17

— Как эт-то понимать... — пробормотала я почти про себя, таращась на Ольгу.

Вот сейчас она заметит меня, и с её породистого лица наконец-то сползёт это спесивое, надменное выражение.

Я видела, как она поправляла свою шёлковую блузку, проводила ладонью по растрёпанным волосам, чтобы привести их в порядок.

И внутри меня росло и ширилось гневное пламя. Я пыталась понять, сколько в этом пламени ревности. Но сейчас понять не могла. Сейчас во мне было слишком много накопившейся за день обиды и боли. А ещё дикой усталости от постоянного, бесконечного унижения.

И пока я пыталась справиться с этим огнём, впиваясь короткими ногтями в свои ладони, Ольга наконец повернулась. Наши взгляды неминуемо встретились.

Моё сердце кувыркнулось в груди. От волнения я сглотнула и едва не закашлялась.

А Ольга... Ольга окинула меня долгим взглядом и усмехнулась.

— Сегодня день неожиданных встреч, — проворковала она, дожидаясь, пока я приближусь.

А меня несла вперёд неведомая сила, хотя всё, чего мне хотелось, убежать отсюда, чтобы даже не думать о том, чем забита была голова.

— Что ты здесь делаешь?

Ольга взирала на меня с выражением снисходительной вежливости на красивом лице. Конечно, я знала, как она ко мне относится. Но правила этого дома не позволяли ей демонстрировать свою неприязнь слишком открыто.

— Что-то случилось? — поинтересовалась она вместо ответа, и меня передёрнуло от звучащих в её голосе издевательских ноток. — В последний раз, когда мы с тобой виделись, ты выглядела более вежливой.

Я бросила взгляд ей за плечо — на дверь нашей с Сергеем спальни. *Бывшей* спальни, но моего отношения к ситуации это сейчас не меняло.

— Ольга, что ты здесь делаешь? — повторила я свой вопрос, но мой голос понизился до угрожающего тона.

Это получилось как-то само собой.

— Смотря что ты имеешь ввиду, — насмешливо отозвалась она. — Коридор или...

— Нашу спальню.

А мои ногти сильнее вжались в ладони.

Мы стояли друг напротив друга. Молча. И всё понимали.

Вроде бы ничего ещё наверняка и не сказано, а я нутром чуяла, что на все двести процентов права в своих подозрениях.

Вся мерзость сложившейся ситуации до меня ещё не дошла. Это случится чуточку позже, когда я постараюсь сообразить, как могла не заметить намёков и знаков. Воистину, об иных вещах и не догадаешься, просто потому что само их существование в голову тебе никогда не приходило.

— Я искала Сергея, — наконец созналась она, правда, безо всякого стеснения.

— И...

— И я его нашла.

Она подняла правую руку и аккуратно отёрла пальцем краешек губ.

От этого красноречивого жеста меня заколотило и бросило в жар. Но речь на какое-то время сковала тошнотворная немота.

— Б-боже... — выдохнула я наконец.

Ольга закатила глаза и, казалось, вот-вот пренебрежительно фыркнет.

— Знаешь, я всё это время думала, ты уже в курсе. Просто по своему обыкновению молчишь, чтобы никого не тревожить. Ты серьёзно только сейчас поняла?

Она меня ещё и недогадливой дурочкой называла.

— Это... это чудовищно... Это... н-низко!

— Ох, — Ольга притворно-утомлённо вздохнула, — слова-то какие... громкие. Он столько времени тебе изменяет, что пора бы привыкнуть давно. Деться от этого ты всё равно никуда не сумеешь. То, что попадает им в руки, Вороновы держат очень крепко, *Сонечка*. Думаю, уж это ты наверняка уяснила.

— Я н-не буду молчать, — вырвалось из меня. — Я т-такого не потерплю...

Мои слова настолько её развеселили, что Ольга откинула голову и рассмеялась. Но когда наши глаза встретились вновь, в её взгляде пылало тёмное пламя:

— А вот такими обещаниями разбрасываться не советую. Только посмей открыть рот. Даже намекнуть... только посмей. И я тебя уничтожу.

Глава 18

— Ты уверена, что по цвету они совпадают? — Егор Воронов пристально изучает образец, потом смотрит на узор, украшающий стену.

Тыльной стороной ладони смахиваю испарину со лба. Даже не пытаюсь делать вид, будто меня одолели сомнения. Потому что сомнений быть не могло — я тысячу раз соответствие проверяла.

— Уверена, Егор Викторович. Краска не высохла. Цвет пока слишком яркий.

Воронов молча кивает, вслух не спеша признавать, что поторопился.

Он любит строить из себя не в меру строгого надзирателя. Любит всё контролировать. К тому же, с некоторых пор он мне совсем не доверяет. Будто личное недоверие обязательно должно распространяться и на работу...

Но сегодня я упрямо молчу. На все его каверзные вопросы и замечания отвечаю по возможности ровно и главное, лаконично.

Я не позволю втянуть себя в новый конфликт.

Здесь и сейчас я работник, я лишь инструмент. Если вместо оригинального яблочного цвета он прикажет выкрасить стену в бордо, я это сделаю и не поморщусь. Выносить ключевые решения по вопросам реставрации интерьеров этого особняка — привилегия Вороновых. В конце концов им виднее, что нынче в моде у современных дворян.

Молчу, дожидаясь хоть какой-то реакции. Но Воронов продолжает разглядывать образцы, аккуратно прикреплённые мною на магнитную доску.

— Так мне продолжать? — не выдерживаю.

Карий взгляд на мгновение опускается на меня, и его хозяин наконец-то кивает.

— Продолжай. В крайнем случае перекрасим.

«Перекрасим?» — хочется фыркнуть. Звучит так, будто он помогать мне возьмётся.

Воронов, кажется, замечает мою «неподобающую» реакцию.

— Есть какие-то замечания?

— Нет, никаких.

И молчу, снова хватаясь за кисть и вынимая её из раствора.

Старательно прячу глаза, чтобы он ненароком не прочёл в них чего-нибудь, что сочтёт подозрительным.

К сожалению, Воронов-старший обладал этим раздражающим свойством — улавливать странности в чужом поведении. И если что-то казалось ему выбивавшимся из общей картины, он не жалел ни сил, ни времени на то, чтобы с этим чем-то основательно разобраться.

Возвращаюсь к работе. Закусываю губу, примериваясь для нового осторожного мазка в тонком рисунке.

Побыстрее бы он рассудил, что с контролем на сегодня покончено, и возвращался в жилое крыло, оставив меня наедине с моей реставрацией.

Потому что сосредоточиться исключительно на работе сегодня было почти невозможно. В голову то и дело лезли воспоминания о вчерашнем.

Горящие злостью глаза и шипение Ольги: «Я тебя уничтожу!»

Я целую бессонную ночь провела в попытках осмыслить... не получалось.

Пришлось на время смириться и снова попробовать. Позже.

Работа, к сожалению, забвения не дарилась. Каждый раз, когда я бросала взгляд на Егора, вспоминала лицо его «верной» жены, и внутри всё переворачивалось.

Как они спутались? Как она и Сергей... как такое вообще могло получиться?

И какими странными красками теперь заиграло моё собственное прошлое...

— Осторожней, — раздаётся у меня едва ли не над самым ухом.

И я, конечно же, вздрагиваю, потому что слишком глубоко занырнула в невесёлые мысли и не услышала, как Воронов ко мне подошёл.

Пальцы дрогнули, и кисточка рвано перечеркнула часть восстановленного рисунка.

Я чертыхнулась и отдернула руку.

Но недостаточно быстро. Моё запястье перехватили горячие крепкие пальцы. Свободной рукой Воронов выдернул у меня кисточку и, не глядя, вернул её в стаканчик с раствором.

Развернул меня к себе и прищурился:

— А теперь сосредоточься.

Я невольно вдохнула, не зная, чего ожидать.

— И будь добра, объясни, София, что тебя гложет.

Глава 19

— У меня всё в порядке, — процедила я, глядя Воронову прямо в глаза.

Его губы скривились.

— Врать ты научилась. Этого не отнимешь.

— Хотя что-то полезное урвала у вашей семейки.

Он не сдержался и таки усмехнулся открыто. На заросшей тёмной щетиной щеке обозначилась ямочка.

Я отвела взгляд. К горлу подкатывал ком. А ещё — чувство досады от того, что, к сожалению, приходилось с ним объясняться.

Сейчас для меня это даже похуже, чем скандалы с мужем, который давно переступил со мной черту всякого невозврата.

С старшим братом Сергея... с ним всё было запутаннее и сложнее.

— Может, отпустишь? — я скосила взгляд на своё запястье, зажатое в крепкой хватке.

— Что у вас братьев Вороновых за манера такая — за руки меня хватать?

Его моё требование оставило без впечатления. Тем более что он знал, чем парировать.

— Тебе ведь преподаватели в универе не зря говорили, что руки у тебя золотые. А Вороновы, как ты знаешь, не любят расставаться ни с чем, что считается ценным.

Ненавижу его за эту вечную привычку иронизировать. Он намеренно опрокидывал любую попытку говорить серьёзно о серьёзных вещах. Хозяин положения и сам себе хозяин — последнему я особенно сильно завидовала. Особенно в свете последних безобразных событий.

И всё бы, может быть, ничего, вот только знал бы этот хозяин, что творит его благоверная...

— Этот комплимент совершенно не к месту.

— Я и не отпускал тебе комплиментов. Я процитировал чужие слова.

— С тех пор, как я занялась вашим домом, порой мне даже жаль, что я что-то умею. Н-не думаю, что я когда-нибудь в здравом уме согласилась бы на реставрацию, не выйди я за Сергея.

— Но ведь вышла, — и в карих глазах полыхнуло тёмное пламя.

Я этого совершенно не ожидала, но брошенная мне в лицо короткая, хлёсткая фраза заставила взгляд помутнеть от непрошенных слёз.

Мне хотелось выкрикнуть: *«Да, вышла! И теперь жалею об этом!»*

Но я никогда не посмела бы в этом признаться — особенно Егору Воронову.

— Что, на этот раз даже не будешь трудиться и подыскивать фразу, которой сумеешь меня эффектно заткнуть? — его губы снова скривились, будто он что-то горькое проглотил.

— Помню, во время вашего медового месяца ты была куда разговорчивее.

А он сегодня жесток. Он мне *именно это* собирался припомнить.

— Ты не здесь, София, — его пальцы легонько сжались на моём здоровом запястье, побуждая вступить в диалог. — Мыслями ты не в работе. С утра. Блуждаешь где-то в тенях. А если нет фокуса, рано или поздно полезут ошибки. Я не могу контролировать ход твоих работ целых день.

И слава богу. Этого только мне не хватало...

— И мне не очень приятно будет просить тебя что-либо переделывать.

— Даже забавно, — фыркнула я, пытаюсь сморгнуть предательские слёзы. — Тебе и вдруг неприятно мне что-либо делать?

Ноздри Воронова раздулись. Злился. И пусть. Я говорила чистую правду.

— Мы ведь о работе с тобой говорим.

— Ах, верно, — кивнула я. — Извини. Я понимаю. Это — другое.

— А ты предпочла бы смешивать личное и профессиональное?

— Я предпочла бы вообще *ничего* больше не смешивать! Уехать отсюда. Уехать подальше. И никого из вас никогда больше не видеть!

Слёзы всё-таки покатались из глаз. Потому что не было толку обманывать ни его, ни себя — держать эмоции взаперти я не умела. Ещё один возражение по факту того, что меня называли Софией.

Воронов смотрел на меня с кажущейся бесстрастностью. Но даже сквозь слёзы я видела, что моим словам удалось что-то в нём зацепить.

— Я тебя предупреждал, — процедил он наконец и неожиданно склонился к моему лицу, словно для доверительного диалога. — Предупреждал, Егорова, что жизнь с Сергеем Вороновым сладкой тебе не покажется. Предупреждал, что он любит вольную жизнь.

Слёзы заструились сильнее. Я зажмурилась, слишком остро сейчас ощущая, как горячая влага катится по холодным щекам.

— Жаль, я тебя предупредить не смогла бы, — вырвалось из меня, прежде чем я больно-больно прикусила язык.

Господи-боже, я на волоске.

Что теперь будет?

— Предупредить о чём? — прищурился Воронов.

Пальцы на моём запястье внезапно усилили хватку.

Глава 20

— Предупредить о чём?

Воронов повторил свой вопрос. С нажимом.

От пристального взгляда я неизбежно терялась. Ничего поделаться с собой не могла. С Сергеем у меня никогда таких проблем не возникало. Я всегда могла ответить, пусть он часто и делал мне больно своими словами. Но я в долгу не оставалась. Могла за себя постоять. Или как минимум небезуспешно пыталась.

Но когда дело заходило о его брате... Нет, тут у меня по-прежнему ничего не получалось.

— Ни о чём! — вскрикнула я, запаниковав. — Это глупости. Это неважно.

Почему-то ждала, что Егор поведёт себя как его младший брат — начнёт немилосердно давить и издеваться.

Но мне стоило бы понимать, они пусть и ближайшие родственники, но всё-таки слишком разные. По крайней мере в том, что касалось отношения к окружающим.

Воронов-старший пригвоздил меня взглядом к месту, пытаясь по моему лицу прочесть правду, которую я не могла и боялась ему рассказать. Слишком уж глубоко в меня впечаталось сказанное Ольгой.

Ничем не прикрытые, прямые угрозы. Посулы меня уничтожить. И ладно бы дело касалось только меня. Может, я и рискнула бы вывалить Воронову всё как на духу, не задумываясь о последствиях. Но ведь был ещё Мишка! Маленький заложник громадных амбиций своих влиятельных родственников. А ещё чёткое понимание: моя родня по супругу на мою сторону никогда не перейдёт.

Господи, мне нужно бежать. Бежать подальше отсюда.

Только бы отыскать возможность провернуть это так, чтобы побег не оказался худшим из всех возможных и доступных мне вариантов.

— *Ни о чём* ты меня и предупредила, — сыронизировал Воронов. — Даже сложно представить, что такого от меня-то здесь могут скрывать. Я в этом доме давно уже пришлый. Родня меня к себе не привяжет.

Даже странно, что этот в высшей степени разумный и прагматичный, деловой человек не замечал очевидного.

— Ты уверен, что видишь ситуацию правильно?

Карий взгляд потемнел. Меж чёрных бровей залегла отчётливая морщинка.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мне кажется, ты один так считаешь. Будто тебя ничего здесь не держит. Но ты, как и я, вляпался по уши. Твоя фирма строит *всё* в этом посёлке, вдобавок ты курируешь реставрацию дома. И говоришь, что всё можешь бросить?

— Если ты считаешь, что я обязан присутствовать на объектах, которыми занимаюсь, то это наивность.

Что это? Стадия отрицания?

И мне до того захотелось вытолкнуть его из состояния мнимого равновесия, что я не сдержалась и снова подступила к самому краю.

— И что, твоя супруга тебя в этом стремлении, считаешь, поддержит?

— Ольга? — нахмурился он, и моё сердце невольно заколотилось быстрее.

— Вы же наверняка с ней обсуждали возможный отъезд.

Воронов продолжал меня изучать. И я запоздало подумала, что в наших не слишком-то частых разговорах дражайшей супруги Воронова мы почти никогда не касались.

Причин и без того предостаточно. Начать хотя бы с того, что Ольга — самая настоящая стерва. О последних своих открытиях я и вовсе молчу...

— А почему ты решила, что она может быть против?

— Потому что вы редко во мнениях сходитесь, — едко парировала я, точно зная, что вызову этим реакцию. Но что важнее, собыю эту чуткую ищейку по имени Егор Воронов, со следа.

И мне показалось, что почти удалось.

Ошибалась.

Воронов-старший смотрел на меня по-прежнему пристально, будто опасался упустить невидимую ниточку, за которую не так давно ухватился.

— Это твоё «неважно» к ней и относится? — прищурился он. — Как-то относится к Ольге.

Вопросительные нотки из его голоса исчезали.

Я начинала захлёбываться накатывавшей на меня паникой.

— Нет. При чём здесь она? — залепетала я, окончательно позабыв и о работе, и о том, с чего вообще этот разговор начался.

Меня пугала пронизательность Воронова. Я уже и забыла о том, что из него вышел бы замечательный дознаватель.

— При том, что всё это связано. Наш возможный отъезд-не отъезд. И какое-то предупреждение.

— Ты ошибаешься, — рискуя вывихнуть руку, я крутанула запястьем и освободилась.

Воронов суетиться не стал. Выпрямился и угрожающе произнёс:

— София...

— Говорю же, она ни при чём! — я метнулась к двери, дёрнула ручку и вылетела в коридор, не дожидаясь, когда Воронов бросится следом.

Глава 21

Он всё понял. Он меня раскусил.

Сообразил, что я наверняка что-то скрываю.

Морозов-старший от меня не отцепится. Теперь — ни за что.

Мне ли не знать, какая у него железная хватка...

Если этот человек решает чего-то добиться, он добивается. И никто ему не указ.

Я мчалась по коридорам особняка до тех пор, пока хватало дыхания.

Завернула за угол, пересекла центральное пространство под застеклённым плафоном высокого потолка и вылетела в крыло, до которого ещё не добралась реставрация.

Привалилась к стене и медленно выдохнула. Прикрыла глаза, ожидая, когда дыхание хоть чуть-чуть восстановится.

Приходилось признать — врать я всё-таки не умела. Чёрт возьми, до сих пор! Столько лет под крылом у Вороновых — и не научилась. Неудивительно, что меня здесь совершенно не уважают. Кто бы стал, если ты и себе изменяешь, и в чужом окружении своей стать не можешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.